

В.Н. В И Н О Г Р А Д О В

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 годов И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ

130 лет назад закончилась десятая русско-турецкая война, если вести отсчет с 1676 г. Обычный перечень причин, войну породивших (территориальная экспансия, забота о безопасности страны, желание упрочить где-либо свое влияние, стремление изменить в свою пользу баланс сил в Европе), недостаточен в применении к русско-турецким войнам. Видная американская балканистка Б. Елавич зашла в тупик, оперируя этими понятиями: "В периоды напряжения и кризиса в игру вступали иррациональные концепции, основанные больше на воображении, чем на практическом учете национальных интересов"¹. В нашем случае таким иррациональным и не поддающимся логическому объяснению фактором явился общероссийский порыв солидарности с восставшими южными славянами, о котором князь В.П. Мещерский писал: "Все в России было отставлено на второй план, и только один славянский вопрос овладел всеми". Царский манифест с объявлением войны содержал следующие строки: "Всем нашим любезным верноподданым известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова"².

Приведем еще выдержку из письма главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича 12(24) января 1877 г., адресованного румынскому принцу Карлу о цели предпринимаемого похода: "Цель эта исключает всякую идею захвата, завоевания или воинственных амбиций и сводится к священному долгу защиты угнетенных от угнетателя, восстановлению наших единомышленников на Востоке в их законных правах, слишком долго не признаваемых, и сделать навсегда невозможным повторение тех ужасающих сцен резни, которые возмутили сознание потрясенной Европы" (имеется в виду зверское подавление Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии)³.

Во время дебатов в парламенте Англии, основной покровительницы султанского режима, раздавались и отдельные трезвые и правдивые голоса. Сошлемся на выступление герцога Аргайлского: "Я утверждаю, что в сложившихся обстоятельствах действия России были оправданы, и если сейчас для населения турецких провинций появляется перспектива свободы, то это благодаря тем чувствам в России, которые – называйте их сентиментальными, человеколюбивыми, нелогичными, – как вам угодно, – тем не менее являются одной из самых могущественных сил в истории"⁴.

Виноградов Владилен Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-01-00191а.

¹ Jelavich B. *Tsarist Russia and Balkan National Movements*. Columbia (O.), 1985, p. 581.

² Эндшпиль. – Вокруг света, 2007, № 4, с. 103; Золотарев В.А. Противоборство империй. М., 1991, с. 423.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Главный архив, V A1, д. 1, л. 15.

⁴ Parliamentary Debates (далее – PD), 3-rd Ser., v. 237, p. 49. Дебаты 17 января 1878 г. по тронной речи королевы.

Общероссийская солидарность со славянами проявлялась не в прокламациях и манифестациях, а в поддержке их деньгами, медикаментами, оружием, снаряжением порохом. В храмах, на сельских сходах, в земских управах, в дворянских собраниях и городских думах проводился сбор денег. Московский и Петербургский славянские благотворительные комитеты пожертвовали солидную денежную сумму, 1,5 млн. рублей, а люди, явно не обремененные высоким достатком, жертвовали рубль-два. Две трети собранных средств поступили именно от таких малых взносов⁵. Э.С. Радзинский справедливо пишет: "Война могла объединить Россию"⁶. "Низы" и "верхи" общества слились в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной. Закупалось оружие и снаряжение для сражающейся Сербии, туда отправлялись полевые лазареты с оборудованием, лекарствами и персоналом – от сестер милосердия до светил медицины, Н.Ф. Склифосовского и С.П. Боткина. 5 тыс. волонтеров пополнили сербскую армию, и среди них много офицеров действительной службы, которым на родине сохранялись чины и выслуга лет. Глашатаем движения стал Ф.М. Достоевский. В "Дневнике писателя" он декларировал: "Великий восточный орел взлетел над миром. Не покорять, не расширять границы он хочет, а освободить и восстановить угнетенных и забытых, дать им всающую жизнь на благо человечества". Немногочисленных противников войны, толковавших что-то об опасности нового европейского побоища, общественность прижала к стене. Достоевский именовал их "общечеловеками" и "самооплевниками"⁷.

Оппозиции войне, как организованной силы, в стране не существовало. Но ведь на правителях лежит обязанность слушаться не сердца, а ума, хладнокровно взвесить, к чему война может привести. И канцлер А.М. Горчаков, и сам Александр II опасались повторения крымской эпопеи. Царь писал военному министру Д.А. Милютину: "Опять вся Европа опрокинется на нас". Министры внутренних дел и государственных имуществ придерживались той же точки зрения. Глава финансового ведомства М.Х. Рейтерн, который после крымской кампании много лет вытаскивал Россию из долговой ямы, подал записку на высочайшее имя, в которой предрекал финансовый крах, хозяйственный кризис, вынужденный отказ от проведения реформ в стране и развитие революционного движения в случае вступления на тропу войны⁸. Он подал в отставку, ему было отказано.

Но и смотреть хладнокровно на расправу над болгарскими, сербскими, черногорскими, боснийскими и герцеговинскими, пускать под откос "екатерининский" курс на поддержку освободительного движения балканцев было невозможно.

С целью максимально сузить масштабы предстоящего противоборства Россия заключила Будапештскую конвенцию с Австро-Венгрией (январь–март 1877 г.), пойдя на тяжелейшие условия. В обмен на ее благоприятный нейтралитет в русско-турецкой войне Петербург согласился на оккупацию австрийскими войсками Боснии и Герцеговины и обязался не допускать появления на Балканах большого независимого государства.

На международной арене Вене не было равных в плетении интриг. Но в Петербурге не подозревали, что подписывают пустую бумажку. На совещании у кайзера Франца Иосифа 13 ноября 1876 г. (т.е. до заключения конвенции) уже планировалось ее нарушение. Собравшиеся вполне деловито говорили о походе против России. Франц Иосиф полагал: "Войну с Россией следует начать, когда война (последней с Турцией. – В.В.) будет в полном разгаре" и "очень значительные массы русских войск передислоцируются с севера в глубину османской территории". Совещание завершилось вполне конкретным обсуждением того, какие силы следует сосредоточить в Галиции, откуда и нанести главный удар по России, как захватить перевалы Карпатских гор⁹. Подобного двуличия в

⁵ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине в 1875–1878 гг. Документы. М., 2008, с. 171, 183, 217.

⁶ Радзинский Э.С. Александр II. Жизнь и смерть. М., 2007, с. 312.

⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений, т. 25. Л., 1983, с. 94, 95.

⁸ Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 2. М., 1996, с. 165–166; Толмачев Е.П. Александр II и его время, кн. 2. М., 1998, с. 65.

⁹ Протокол совещания от 13 ноября 1876 г. – *Dioszegi I. Die Aussenpolitik der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie 1871–1877. Wien etc., 1985, S. 338–339.*

Петербурге все же не ожидали. Глава австро-венгерского министерства иностранных дел граф Д. Андраши примкнул к основным покровителям Турции, британцам, и вел себя так, будто Будапештской конвенции не существовало.

Зимний дворец и кабинет министров не ограничились данным в царском манифесте определением целей войны. Горчаков предоставил Форин оффису дополнительные заверения: захват Константинополя в планы России не входит. Вопрос о Черноморских проливах "для сохранения мира и всеобщего спокойствия" подлежит урегулированию "с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах". Две важные, имевшие общеевропейское значение, проблемы заранее отдавались на суд ареопага держав, в котором Россия пребывала всегда в меньшинстве, а порой и в одиночестве¹⁰. Александр II еще раньше дал британцам под свое честное слово обещание не посягать на Константинополь.

Оба, и монарх, и канцлер, не изобретали ничего нового. Отвлечемся на небольшой исторический экскурс.

* * *

Еще в 20-е годы XIX в. оформился курс России на Балканах: не искать там территориальных приращений, а добиваться создания на южных рубежах державы цепи дружественных ей христианских государств. Во время визита герцога А. Веллингтона в Петербург в 1826 г. Николай I заявил ему, что не желает приобрести на Дунае ни одного поселения. В англо-русском протоколе от 23 марта (4 апреля) того же года обе стороны обязались не посягать на какие-либо земли на Балканах. 6 июля 1827 г. обязательство было повторено с участием в нем Франции в соглашении трех стран. В декабре того же года представители трех держав подписали документ, названный (неофициально) протоколом о бескорыстии¹¹.

Итог русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – предоставление автономного статуса Сербии, расширение самоуправления Молдавии и Валахии, создание предпосылок провозглашения независимости Греции. На Балканах к России отошла дельта Дуная.

Казалось бы, соперникам придаться не к чему, мир после блистательных побед представлялся умеренным, основания для развития антирусских настроений в Великобритании отсутствовали. Но причины для распространения русофобии существовали. Влиятельные торговые и колониальные круги, связанные теми или иными интересами с Индией и широкой полосой порубежных с Россией земель от Балкан через Ближний Восток и Среднюю Азию до Афганистана, считали Россию соперничающей державой. Центр противоборства – Османская империя. Это противоречие было большой игрой европейской политики и являлось своего рода осью международных отношений на континенте. Оно нуждалось в идеологическом обрамлении, и лучшим оформлением для него служила русофобия – представления о России как о стране варварской, чуждой европейской цивилизации, примитивной, издревле агрессивной и посягающей на британские интересы по всему миру. В появившейся в 30-е годы XIX в. анонимной брошюре "Индия, Великобритания и Россия" говорилось: цель ее автора – посеять тревогу для того, чтобы предупредить "не имеющую предела агрессию России по всем направлениям"¹². Доказательств этому не приводилось, да их и не было. Рядовой британец гордился своей независимостью, но чутко относился к попранию интересов своей страны, даже мнимому. Обыватель легко попадался на удочку крикливой, примитивной пропаганды.

¹⁰ Инструкция А.М. Горчакова от 18 мая 1877 г. – Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. 2. М., 1964, с. 80–82.

¹¹ Виноградов В.Н. Герцог Веллингтон в Петербурге. – Балканские народы и европейские правительства в XVIII – нач. XX в. М., 1982; Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 11. СПб., 1895, с. 341–343, 356–361, 383–387.

¹² Цит. по: Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. М., 1982, с. 274.

Исходной точкой русофобских построений была забота о безопасности Индии, "кровища империи". Османские владения трактовались историографией как аванпост обороны Индии, "стратегические и географические интересы Великобритании" в Ближнем и Среднем Востоке ассоциировались с необходимостью защиты подступов к жемчужине короны. Отсюда – интерес к 1801 г., когда царю Павлу I пришла в голову бредовая мысль отправить донских казаков на завоевание Индии. Их не снабдили даже картой будущих завоеваний по причине отсутствия оной. Карту позднее отыскали в имуществе Академии наук и послали вдогонку донцам. Жизнь Павла закончилась трагически, а его наследник Александр I поспешил вернуть казаков из степей Зауралья, до которых они добрались. К увлечениям Павла I с мерилом здравого смысла подходить нельзя, у его преемников даже мечты о повторении авантюры не возникало. Сами англичане не считали эту идею невыполнимой. В 70-е годы XIX в. депутат парламента С. Ленч подсчитал, что для достижения хотя бы реки Евфрат на каждого солдата пришлось бы снарядить двух вьючных верблюдов и полторы лошади¹³. А ведь Индия расположена гораздо дальше, и путь к ней преграждают Гималаи.

В 1833 г. по просьбе султана российские войска высадились на азиатском берегу Босфора – спасать его от нашествия армии могущественного владыки Египта Мухаммеда Али. Британское правительство, будто бы проспавшее нависшую над Турцией угрозу, подверглось резкой критике в палате общин. В речи, проникнутой русофобством, депутат Т. Аттвуд заявил: "Теперь в руках у русских Константинополь, или по крайней мере Скутари, а Скутари – тот же Константинополь. Завтра русские получат крепости на Дарданеллах, и понадобится миллион фунтов стерлингов, чтобы выдворить их оттуда. Я бы предпочел, чтобы русские явились на Темзу и захватили Лондон, чем сносить оскорбления, которые они обрушивают на нас последние 17 лет". Далее следовал призыв: самое время начать с Россией войну, "подняв против нее Персию с одной стороны, Турцию – с другой, Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется как глиняный горшок"¹⁴. Вместо учинения всех этих ужасов российский десант, остановив нашествие египтян, погрузился на корабли и отбыл домой.

В 30-е годы XIX в. особым рвением на почве русофобства отличались публицист, путешественник и дипломат, автор книги "Турция и ее ресурсы" Д. Уркарт¹⁵, издававший журнал "Портфолио", и посол в Стамбуле лорд Д. Понсонби. Уркарт публиковал в "Портфолио" тенденциозно подобранные материалы, захваченные в архиве великого князя Константина Павловича во время польского восстания 1830–1831 гг., и выкраденные в посольствах и миссиях письма и депеши. Не останавливался и перед сочинением фальшивок о российской агрессивности. Особое место в его публикациях занимала корреспонденция К.О. Поццо ди Борго, корсиканца на российской службе, посла в Лондоне, сторонника сокрушения Османской империи. Его точка зрения была отвергнута Зимним дворцом, но подхвачена Уркартом, выдававшим в своих изданиях частное мнение дипломата за официальный курс царского правительства. Веллингтон считал Уркарта неуравновешенным и лишенным здравого смысла человеком¹⁶. Видный британский историк Ч. Вебстер отзывался о нем резко и писал об "экстравагантном поведении полусумасшедшего Дэвида Уркарта" и о беспокойстве, которое он доставлял министерству иностранных дел. Серьезные издания воздерживались от перепечатки почерпнутых в "Портфолио" сведений, но падкая на сенсации публика воспринимала писания Д. Уркарта с интересом, и они, по свидетельству английского исследователя Г. Темперлея, способствовали распространению "дипломатической сказочки, в которой Россия представлялась волком, а Турция овечкой"¹⁷.

¹³ См.: Штейнберг С.Л. Английская версия о русской угрозе Индии в XIX веке. – Исторические записки, 1956, № 33.

¹⁴ The Mirror of Parliament, 03.08.1836, p. 2874–2875.

¹⁵ Urquart D. Turkey and Its Resources. London, 1833.

¹⁶ Puryear F. International Economics and Diplomacy in the Near East. Stanford, 1936, p. 27.

¹⁷ Temperley H. England and the Near East. The Crimea. London – New York – Toronto, 1936, p. 78, 75.

На берегах Босфора достойным партнером Уркарта выступал Понсонби. Взирать в 1833 г. на суда под Андреевским флагом на рейде было свыше его душевных сил. Он стал депеши столь злопыхательские, что премьер-министр В. Мелборн жаловался на его "нелепую русофобию"¹⁸. Понсонби ратовал за политику на острие ножа, за посылку британского флота на Черное море, что почти неминуемо привело бы к войне с Россией. Он приобрел репутацию опасного провокатора европейского масштаба. Его французский коллега, адмирал А. Руссен, тоже русофоб, опасался, как бы усилиями Понсонби не вспыхнул европейский конфликт. Высокая Порта одно время вынашивала мысль – попросить Уайтхолл отозвать из Стамбула этого поджигателя войны в личине дипломата, но не дерзнула¹⁹. Форин оффису приходилось сдерживать своего слишком ретивого, несмотря на преклонные лета, представителя. Но та же ненависть к России побуждала Понсонби действовать с крайней энергией и в целом успешно бороться за утверждение британского и подрыва российского влияния в Османской империи.

Двое упомянутых британских деятеля со временем сошли со сцены, но оставили после себя плеяду последователей. Русофобская эпопея, то обостряясь, то затухая, продолжалась еще полвека.

В международной жизни личность всегда играла значительную роль, тем более личность самодержавная. Николай I олицетворял в Европе охранительные начала в политике и следовал принципам Священного союза после его угасания как организации. Он по-своему истово служил России, не сознавая, что воздвиг барьер на пути прогресса. А.Ф. Тютчева, дочь знаменитого поэта и фрейлина императрицы Марии Александровны, считала эти 30 лет вычеркнутыми из российской истории. Но с точки зрения человеческой Николай I был рыцарем без страха и упрека. Высокое представление о долге венценосца не позволяло ему изменять слову, не говоря уже об обязательстве, скрепленном высокими подписями и сургучной печатью.

Полную противоположность ему представлял кайзер Франц Иосиф, обязанный ему спасением трона в 1849 г. Еще в юном возрасте, перед Крымской войной, он излагал матери, эрцгерцогине Софии, свои принципы: "Наше будущее – на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере". Медленно, но верно "мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе. Наш естественный противник на востоке – Россия"²⁰. Позднее, когда его единственный сын Рудольф покончил жизнь самоубийством вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой, отец выстоял перед его гробом ровно столько времени, сколько предписывал военный устав, ни минутой больше. Так что решение совещания 13 ноября 1876 г. об ударе в спину России было вполне закономерным проявлением возведенного в принцип двуличия. Николай I пребывал в заблуждении, воображая, будто монархи, как и он, верны своему слову и обязательствам. Он ошибался.

В 1853 г. усилиями британского посла в Стамбуле Ч. Стретфорд-Каннинга, превратившегося в лорда Редклиффа, была искажена суть требований, предъявленных Высокой Порте князем А.С. Меншиковым в ходе его незадачливой миссии. Вместо испрашиваемого для российских посланников права "делать представления" султану в пользу единоверцев в английском переводе говорилось "давать приказы"²¹. И в таком искаженном виде позиция России была представлена парламенту. И уж историография делала далеко идущие и не имевшие никакого основания выводы насчет российских домогательств: царь "просил султана безвозвратно отказаться от всякого подобия власти над более чем 14 млн. своих подданных христиан"²².

¹⁸ Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston, v. 2. London, 1969, p. 565.

¹⁹ Тодорова М. Англия, Русия и танзиматъ. София, 1980, с. 109.

²⁰ Шидлинг А., Цвинглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997, с. 433.

²¹ PD, 3-rd Ser, v. 130, p. 1234.

²² Byrne S.G. The Great Ambassador. Ohio State University Press, 1964, p. 261.

В узком кругу лорд Д. Рассел призывал "вырвать клыки у медведя. Пока его флот и морская арсенал на Черном море не разрушены, не будет в безопасности ни Константинополь, ни мир в Европе". Глава Форин оффиса граф Д. Кларендон писал о стремлении кабинета "полностью господствовать на Черном море"²³, которое, как известно, омывают не британские, а российские, турецкие, румынские, болгарские, украинские, грузинские и абхазские берега. Изредка слово правды прорывалось на страницы печати. Так французская газета "Конститусьонель" еще до развязывания Крымской войны предавалась торжеству: "Россия в течение немногих недель потеряет плоды денежных затрат, гигантских трудов, огромных жертв не одного поколения. Крепости, что она воздвигла на берегах Балтики и Черного моря, не жалея ни терпения, ни времени, ни денег, будут сравнены с землей, взорваны и уничтожены огнем объединенных эскадр Франции и Англии"²⁴.

Николай I представлял итоги войны совсем иначе, чем ему приписывали: "Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми княжествами, вновь станут тем, чем они были – христианскими государствами, и, как таковые, они вступят в семью христианских государств Европы. Гарантировать свободу религии, их организацию, их отношения между собой и с их соседями – все это должно быть предметом регулирования на чрезвычайном конгрессе". Конечно, царь полагал, что он станет их покровителем и будет иметь связанную с этим степень влияния. В традиционном для себя русле Россия стремилась подорвать власть Турции для возрождения государственности балканских народов. Предусматривалось право российских посланников делать "представления в пользу церкви Константинополя и других мест, а также в пользу клира"²⁵.

Вместо всего этого Россия по Парижскому миру 1856 г. утратила Южную Бессарабию, потеряла право на содержание военного флота на Черном море, а ее покровительство над балканскими христианами было заменено коллективной гарантией великих держав. Толки насчет экспансионистских appetитов русского медведя на какое-то время затихли из-за отсутствия материала, но только до следующего кризиса.

Русофобство разной политической окраски и степени влияния его носителей пережило Крымскую войну. В разгар ее антирусская риторика достигала такого накала, что Темперлей писал о "лае парламентской своры". Современник событий, лидер движения за свободу торговли В. Кобден, отзывался почти в тех же выражениях о своих согражданах: выступать перед ними было все равно, что перед "сворой бешеных собак"²⁶.

Под аккомпанемент этого "лая" с середины 30-х годов развернулось широкое наступление владычицы морей по периметру южных границ Российской империи. Британия установила свой контроль над Средиземным морем, омывающим берега Европы, Азии и Африки. Как отмечал английский ученый В. Пюриер, она держала на замке "конечные выходы России" к мировому океану. И он употреблял редко встречающуюся в западной историографии формулу о "британской угрозе" России в XIX в.²⁷

В случаях, когда Британия шла в наступление, о доктрине статус-кво забывали. В 1825 г. парламент отменил монопольное право Левантийской компании на торговлю со странами Восточного Средиземноморья, предоставленное ей еще в 1581 г. Старые точки опоры, Гибралтар и остров Мальта, были дополнены Аденом в Аравийском море. Захват произошел в 1838 г. даже без ведома султана, во владения которого порт входил.

²³ Temperley H. Op. cit., p. 376.

²⁴ Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970, p. 79.

²⁵ Помета Николая I на докладе К.В. Нессельроде от 8(20) мая 1854 г. – Российский государственный архив древних актов, ф. 1250, д. 6, л. 68.

²⁶ Temperley H. Op. cit., p. 78, 75; Kingslake F.W. The Invasion in the Crimea, v. 1. London, 1863, p. 433.

²⁷ Puryear V. Op. cit., p. 5–6.

* * *

Вернемся к 70-м годам XIX в. 1875 год – начало нового восточного кризиса, восстание в Боснии и Герцеговине, 1876 год – Апрельское восстание в Болгарии, война Сербии и Черногории против Турции. В Болгарии число жертв башибузуков, вспомогательных османских войск, отличавшихся изощренной жестокостью, насчитывалось десятками тысяч. Сербская армия потерпела поражение. Восстание в Боснии и Герцеговине шансов на успех не имело. Высокая Порта готовилась навесить на южных славян вериги зависимости, тяжелее прежних. Единственный путь их спасения был во вмешательстве России. 4(16) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне. Через реку Прут переправилась не старая, собранная по рекрутскому набору, армия, а новая, сформированная на основе всеобщей воинской повинности. Российская общественность стояла горой за освобождение христиан. Население встречало солдат и офицеров как избавителей от османского ига. Вагон Александра II в специальном царском поезде утопал в цветах. Первые успехи радовали – форсирован Дунай, полки генерала В.И. Гурко захватили перевалы Балканских гор. Осечка произошла у крепости Плевна (Плевен): лучший турецкий полководец Осман паша опередил россиян и занял город с 40-тысячным войском. Три поспешных и плохо подготовленных штурма, в последнем из которых участвовала и армия вступившей в союз с Россией Румынии²⁸, закончились неудачей, убитые и раненые насчитывались тысячами.

Тревожное положение сложилось на третьем, помимо Дунайского и Кавказского, фронте – дипломатическом. Казалось бы, Горчаков предвидел все: оппонентам даны, в самой обязывающей и категорической форме, заверения в отсутствии у правительства намерения захватить Константинополь и установить контроль над Черноморскими проливами, тяжелой ценой (согласием на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, отказом от создания на Балканах большого славянского государства) куплен нейтралитет Габсбургской монархии. Но нет. Самодержавию приписываются отсутствовавшие у него широкие завоевательные замыслы. Пока армия на четыре месяца задержалась под стенами Плевны, а на перевале Шипка продолжалось сидение полков генерала М.Д. Скобелева и дружин болгарского ополчения, оппоненты в Лондоне и Вене вроде бы успокоились. Но 28 ноября (10 декабря) Осман паша двинул свои поредевшие от пуль, голода и болезней войска на отчаянный прорыв, бросив раненых на произвол судьбы и милость победителя. Потеряв 6 тыс. человек убитыми, он с оставшимися 43 тыс. сложил оружие. 100-тысячная масса российских и румынских войск, осаждавших Плевну, освободилась для новых военных операций. Солдаты, измотанные боями, усталые, обносившиеся, рвались в бой. Скобелев разгромил корпус Вессел пашы при Шипке – Шейново, и войска вышли на болгарскую равнину. Гурко нанес поражение армии Сулеймана пашы под Пловдивом. Была взята София. 8(20) января 1878 г. без боя занят Адрианополь (Эдирне), ключевой пункт на пути к Стамбулу, первая столица османского султаната, путь на Константинополь открыт. В войну вновь вступила Сербия. Князь Милан Обренович и его первый министр Й. Ристич стремились действовать наверняка и ждали, когда победа обрисуеться с полной определенностью. Сводки с фронта ободряли и вдохновляли.

А на дипломатическом горизонте сгущались тучи. Британская печать развязала яростную антирусскую кампанию. Близкая к правительству газета "Дейли телеграф" трубила: русские замыслы "состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами. Коварство России не миновало Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу". Далее следовала прямая угроза: «Какой бы мир ни был подписан в Сан-Стефано, он останется клочком бумаги, пока не будет поставлен на общее обсуждение; если этого не произойдет честно и открыто – лучшими

²⁸ О позиции Румынии. – Залышкин М.М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875–1878. М., 1974.

британскими представителями явятся наш флот и наша армия, будь то с союзниками или без них»²⁹.

19 февраля (3 марта) 1878 г., в годовщину вступления Александра II на престол, Н.П. Игнатьев подписал в местечке Сан-Стефано, в нескольких верстах от Стамбула, предварительный (предварительный) мирный договор с Турцией, отвечавший всем чаяниям общественности. Южная Бессарабия возвращалась России, в Закавказье к ней отходили Карс, Ардаган, Баязид и Батум. Румыния, Сербия и Черногория становились независимыми государствами при значительном увеличении их территорий (Румыния получала Северную Добруджу в обмен на Южную Бессарабию). После почти 500-летнего небытия возрождались государственность болгарского народа. Пределы автономной Болгарии были очерчены широко и предусматривали ее выход к Черному и Эгейскому морям. Боснии и Герцеговине предоставлялись автономные права³⁰.

Оптимисты в российском МИД и за его стенами вздохнули с облегчением: Европа представлена "хотя бы по некоторым вопросам" перед совершившимся фактом. Они ошибались. Лондон и Вена совершившегося факта не признали. На Россию посыпались протесты. Суть их сводилась к требованию предоставить на рассмотрение и решение держав, подписавших Парижский мир 1856 г., весь текст Сан-стефанского договора, а не только его положения, имевшие общеевропейское значение, на что заранее соглашался Горчаков. Особое негодование вызывали статьи о Сан-стефанской Болгарии. Д. Андраши заявил послу в Вене Е.П. Новикову, что ни один министр монархии не согласится на расширение территории Болгарии на юг от Балканских гор и он сам будет противиться этому любыми средствами. Дипломат задал вопрос в лоб: "В том числе войной?". "Любыми", — повторил Андраши³¹.

Лондон не ограничился протестами и пустил в ход бронированный кулак. Еще 13 февраля 1878 г. эскадра адмирала Хорнби (шесть броненосцев и фрегат) в полное нарушение Лондонской конвенции 1841 г. о Проливах, запрещавшей подобные операции, вошла в Дарданеллы и бросила якоря в Мраморном море, совсем недалеко от султанского дворца. Одним из броненосцев командовал герцог Эдинбургский Альфред, зять Александра II, муж его единственной дочери Марии.

И тут обнаружилось, что у армии нет ни сил, ни средств, чтобы прогнать британские корабли из Проливов или помешать их прорыву в Черное море. Войска имели на вооружении лишь полевую артиллерию, неспособную поразить корабельную броню. Возможность подвоза тяжелой артиллерии исключалась, морской путь был перекрыт турками и англичанами, а протаскать подобные пушки по кручам Балканского хребта невозможно.

В предвидении нападения со стороны Австрии Милютин спешно перебрасывал на границу с ней части Дунайской армии, и в немалом числе (пять пехотных, три кавалерийских дивизии, две стрелковых и одну саперную бригаду). Напротив, численность противостоящих россиянам турецких войск все возрастала за счет подкреплений, перебрасываемых из Малой Азии и гарнизонов городов, переданных по перемирию российской стороне.

Обнаружилось и еще одно слабое место Сан-стефанского акта. Отечественная дипломатия, при всем своем опыте и искушенности в делах, недооценила остроты противоречий по территориальным вопросам между отдельными этносами, противоречий, усиливавшихся по мере обретения ими самостоятельности. История расселила народы на Балканах чересполосно, случалось, островки одного оказывались в глубине расселения другого. На протяжении веков они пребывали в разных государственных образованиях, и каждая сторона толковала прошлое в свою пользу. Границы "Сан-стефанской Болгарии" совпадали с территорией экзархата 1870 г., канонически подчиненной бол-

²⁹ The Daily Telegraph, 11.03.1878.

³⁰ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952, с. 159–175.

³¹ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1878, д. 111, л. 253–254.

гарской церкви. Она насчитывала 45 епархий, из которых 15 – со смешанным населением. Значительную, а то и большую часть прихожан в них составляли сербы и греки. В 1878 г. их представители сочли проведенное в Сан-Стефано разграничение односторонне благоприятным для Болгарии и настаивали на его пересмотре. Еще во время подготовки договора Н.П. Игнатьев имел крайне неприятные объяснения с сербским полковником Г. Катарджи, но не обратил внимания на его протесты, считая, что балканцы должны быть признательны России за оказанные им благодеяния. С румынами возник острый конфликт вокруг возвращения России Южной Бессарабии (в обмен на предоставление Румынии более населенной и экономически более перспективной Северной Добруджи). Бухарест против компенсации не возражал, но и бессарабский плацдарм хотел сохранить за собой. Парламент и пресса бушевали, эмиссары правительства побывали в Лондоне, Вене, Берлине и Стамбуле, вербуясь в союзники Великобритании, Австро-Венгрии и Турции на случай их большой войны против России. Румынские войска передислоцировались на север и запад страны, готовясь к удару по вчерашним братьям по оружию³².

И встал вопрос: а мог ли обеспечить прочный мир и безопасность на Балканах Сан-стефанский договор, против которого выступали страны, представлявшие значительную часть, а может быть и большинство населения полуострова (Сербия, Румыния, Греция и албанцы)?

Между тем до Константинополя оставалось рукой подать. Российская сторона заверяла оппонентов, что оккупировать город не собирается. Существовал уже 200-летний опыт, говоривший сам за себя. Шесть раз российские войска переправлялись через Дунай и вступали на балканскую почву, дважды подходили вплотную к Стамбулу, но ни разу на него не посягали. Российская империя не приобрела ни вершка балканской земли. Разумеется, вынашивались планы укрепления в регионе позиций самодержавия. Но фактор территориальной экспансии отсутствовал.

Создается впечатление, что на Западе этого просто напросто не понимали. Там мыслили по шаблону: победа должна увенчиваться добычей. Царизму приписывались экспансионистские замыслы, а себе – заслуга в том, что они не осуществились.

Зарубежная историография и по сей день полна домыслами о захватнических целях России на Балканах. Поддался общему веянию и Г. Киссинджер в фундаментальной монографии "Дипломатия". Он повторяет набившие оскомину небылицы: Россия "с жадностью глядела на славянское население на Балканах" и мечтала "заполучить Константинополь и Проливы". Европу от козней самодержавия спас мудрый австрийский канцлер К. Меттерних³³. И если подобные утверждения появляются спустя 120 лет после описываемых событий, то можно представить себе, что происходило в 1878 г. Британский кабинет, депутаты палаты общин, лорды и пресса били в набат, обвиняя Россию в стремлении сокрушить Османскую империю. Ястребов возглавляли премьер-министр Б. Дизраэли и сама королева Виктория. В конце марта вышел в отставку министр иностранных дел лорд Э. Дерби, сторонник мирного решения споров с Россией. Портфель Форин оффиса "захватил", по выражению российского посла в Лондоне П.А. Шувалова, маркиз Р. Солсбери.

Российский посол чувствовал себя неуютно в прежде гостеприимном и радушном Лондоне. Он жаловался: "Королева воистину лишилась рассудка. Английской конституции недостаточно, чтобы пресечь влияние этой женщины, вбившей себе в голову мысль о войне с нами". Он испросил и получил разрешение воздерживаться от участия в некоторых приемах, чтобы не выслушивать колкостей, резкостей и небылиц в адрес России. Разнузданная кампания в печати не утихала. "Наши примирительные попытки терпят неудачу. Воинственный дух все растет, британцы усматривают только два возможных

³² Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1877–1878 г. Военный триумф и драма умиротворения. – Новая и новейшая история, 2007, № 6.

³³ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 71, 73, 80.

варианта – либо война с Россией, либо унижение Англии. Избави нас Бог от того и другого". На документе помета Александра II: "Да". Разумеется, в Лондоне позиция Великобритании представлялась исполненной благородства – дело вовсе не в Турции, затронуты "фундаментальные принципы современного общества, верховенство законов"³⁴.

Было бы неверно полагать, что британцы поголовно были шовинистами. Отдельные выступления в обеих палатах и поступавшие в парламент петиции свидетельствовали, что стремление взглянуть здраво на события не угасло. Так, во время обсуждения закона о дополнительных военных кредитах 11 285 ходатаев (229 петиций) высказывались за сохранение нейтралитета, 8 175 (89 петиций) – против утверждения кредитов и лишь 54 (1 петиция) в пользу ассигнований. Однако итог обсуждения в нижней палате (364 голоса против 64 в поддержку кредитования)³⁵ свидетельствовал, в чьих руках находилась сила и власть.

Голоса правдолюбцев не умолкали. Герцог Аргайл говорил в палате лордов: "Действия России в нынешних обстоятельствах вполне оправданы, и если сейчас возникает возможность свободы для населения турецких провинций, то они обязаны этим России". В том же духе высказывался в палате общин Т. Синклер. Обращаясь к Крымской войне, он заметил: "Я считаю эту войну глупейшей, и повторять ее не стоит". С разоблачениями выступал В.Ю. Гладстон, еще не "великий старец", но уже "народный Вильям": "Если Россия потерпит неудачу, ее неудача явится несчастьем для человечества, и условия для страдающих масс, ради блага которых мы, как предполагается, должны трудиться, станут хуже, чем раньше". О британской политике он отзывался самым нелестным образом: "Мы катим сизифов камень по круче, и как только мы отдернем руку, он покатится вниз"³⁶. Но не он определял тогда политику. Да и число подписантов под петициями в парламент измерялось немногими тысячами, и не они царили в умах. Обыватель, смутно представлявший, где эти Балканы находятся, и уж совершенно не ведавший, кто их населяет, прочно уверовал – русский медведь в тех местах лютует. Почва русофобства взрастила ядовитое древо джингоизма, "воинствующего шовинизма". Его мутная волна затопила Великобританию. Стишки ранее мало кому знакомого рифмоплета обрели широкую популярность:

Коль придется в бой идти,
Так прочь с пути! О, джинго,
Мы снарядим свои суда,
Людей отыщем без труда,
И денег соберем тогда!
О, джинго!

Парламент послушно претворял в законы решения кабинета министров – утвердил кредит на военные нужды в размере 6 млн. ф. ст., призвал под знамена резервистов, одобрил формирование двух новых армейских корпусов (удалось снарядить один). Но не малочисленных резервистов и не перебрасываемых из Индии полков опасались в Петербурге. Страшило экономическое, финансовое, морское могущество Англии – у нее вместе с турками – 20 броненосцев в Черном море и Проливах, сильная эскадра в Средиземном море, могучий флот на базе в Портсмуте в Северном море. А у России – один броненосец "Петр Великий" на плаву на Балтике. Предстояла война не на уничтожение, а на истощение, блокада берегов Балтийского, Черного и, возможно, Белого морей и Тихого океана, перерыв коммуникаций через Проливы, удушение торговли, медленная стагнация экономической жизни, финансовый дефолт, конец курса на реформы. А британцы могли в полной безопасности отсиживаться на своих островах. Австро-Венгрия

³⁴ Monipenny W.F., Buckle G.E. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, v.6. London, 1920, p. 244; АВПРИ, ф. Канцелярия, 1878, д. 80, л. 582, 592.

³⁵ PD, 3-rd Ser., v. 237, p. 1263.

³⁶ Ibid., v. 234, p. 892; v. 237, p. 49; v. 234, c. 972.

была рядышком, вполне доступная для военных операций. Но князь О. Бисмарк наложил вето на ее разгром, предупредив: второй германский рейх не допустит посягательства на великодержавные позиции Габсбургской монархии. В качестве неприятеля оставалась Турция. В ряды противников России вербовались румынские правители, предлагавшие Стамбулу 50-тысячную армию с увеличением ее численности в дальнейшем до 100 тыс. Война представлялась российским генералам безнадежной даже теоретически. 25 марта 1878 г. в дневнике Милютинна появилась запись: сейчас "все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война против половины Европы "была бы для нас бедствием, во всяком случае не могла бы доставить нам более, чем теперь, мир и более поддержать достоинство России"³⁷. Великие князья Николай и Михаил Николаевичи придерживались того же мнения. Пришедший на смену первому на пост главнокомандующего Дунайской армией генерал Э.И. Тотлебен планировал на следующую кампанию проведение лишь оборонительных операций, только бы удержать имеющиеся позиции. Потери России во имя освобождения балканских народов в 1877–1878 гг. составили 248 654 человека – убитыми, ранеными, искалеченными, больными, замерзшими³⁸. Единственная перспектива в дальнейшем – бросить в пасть кровавого Молоха еще 50, 100 или неизвестно еще сколько тысяч человек. Генералы уповали на то, что выход из положения найдет дипломатия.

Находясь в полнейшей изоляции, российская дипломатия пыталась в предвидении мира сократить число вероятных противников, договорившись с одним из них. Бисмарк советовал обратиться к австрийцам, те продадутся дешевле. В марте Игнатъев совершил вояж в Вену, закончившийся полной неудачей. Андраши настаивал на разделе Сан-стефанской Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины габсбургскими войсками, присоединении к монархии стратегически важного острова Адакале на Дунае, сокращении предусмотренных в Сан-Стефано приращений для Черногории и многом другом. По словам Игнатъева, Вена "без выстрела и усилия" хотела получить все выгоды победителя и "обратить сербское племя" в "вассальное владение короны Святого Стефана"³⁹.

Вена не являлась ключевым игроком в формировавшейся против России коалиции. Капитулировать перед нею и оставаться под угрозой войны с Англией, Турцией и Румынией не имело смысла. Оставалось постучаться в лондонские двери. Опасное противостояние – британские корабли в Проливах, российские войска на берегу – продолжалось. Но десанта на судах не было, никто на сушу с них не высаживался. Русские, в свою очередь, не предпринимали попыток вступить в Стамбул или занять полуостров Галиполли у входа в Дарданеллы. Обе стороны осторожничали и явно не желали очертя голову бросаться в омут войны. Шувалову, правда неофициально, во время верховых прогулок в Гайд парке, где министры держались гораздо раскованнее, чем в кабинетах, намекали – не худо было бы в предвидении конгресса заранее договориться об основных параметрах урегулирования. Выбор у Петербурга отсутствовал. Беседы верхом переросли в переговоры. В конце мая Шувалов и Солсбери подписали меморандумы о достигнутой договоренности. Главной уступкой в них явилось согласие России на образование Болгарского княжества в узких пределах, с территорией, простиравшейся к северу от Балканского хребта. В Петербурге условия сочли тяжелыми, но все же приемлемыми.

При вести о соглашении, замечал Б. Самнер, у британской общественности вырвался вздох облегчения: "Слава Богу! Войны с Россией удалось избежать!". Казалось бы, это замечание не вяжется с царившим в стране разгулом шовинизма. Но одно дело – выступать на митингах, и совсем другое – подставлять грудь под русские пули. Свежа еще была память о Крымской войне. 349 дней длилась осада Севастополя. После очередной ожесточенной бомбардировки французам удалось захватить Малахов курган, высоту,

³⁷ Дневник Д.А. Милютинна, т. 3. М., 1950, с. 35.

³⁸ История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955, с. 179.

³⁹ После Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатъева. Петроград, 1916, с. 38–40.

господствующую над городом. Британцы штурмовали Третий бастион, но, устлав подступы к нему тысячами трупов, отступили. Еще в 10 пунктах наступавшие получили пор. Успех союзников, с чисто военной точки зрения, был ничтожен, они заняли половину небольшого города Севастополя (40 тыс. жителей в мирное время). Груды камней, битого кирпича и пепла – вот что увидели оккупанты, уплатив за то страшную цену. По официальным, явно заниженным, данным потери французов, англичан, турок и сардинцев составили 73 тыс. человек⁴⁰, из них британские – 22 800. В англоязычной литературе Крымская война именуется ненужной, бесславной, бессмысленной и даже глупой.

* * *

На конгресс в Берлине 1(13) июня – 1(13) июля 1878 г. Горчаков отправлялся с тяжелым сердцем – «доигрывать партию в заранее проигранном положении, – как он писал в депеше царю, – столкнувшись со злой волей почти всей Европы»⁴¹. Слово "почти" он мог бы и опустить. Российская делегация пребывала в полном одиночестве, поддержки – ни от кого, даже балканские представители, действовавшие в закулисье конгресса, опорой ей не служили. С румынами продолжался острый конфликт вокруг возвращения России Южной Бессарабии в обмен на Северную Добруджу. Глава сербского ведомства иностранных дел Ристич вступил в контакт с австрийской делегацией, и отнюдь не бесплодный для своей страны. Представители Греции не скупилась на претензии.

Ситуация в Берлине сложилась для российской делегации хуже некуда. Председательствовавший Бисмарк поручал обсуждение конкретных вопросов заинтересованным сторонам. Горчаков недомогал и часто отсутствовал на заседаниях. Основная часть работы легла на плечи второго уполномоченного Шувалова. В советской историографии его, как бывшего шефа жандармов, заклеили каиновой печатью, что и проявлялось в суровости оценок. Зарубежная отзывается о нем лестно: "Все на конгрессе соглашались, что Шувалов выполнял свою неблагодарную задачу со всем возможным искусством". По мнению Дизраэли Шувалов вел трудную и обреченную борьбу с замечательным талантом и терпением. Но на него дружно наседали Андраши и Солсбери, и часы, проведенные в дискуссиях с ними, он вспоминал как самые тяжкие в своей жизни. Еще теплившиеся в душе Горчакова надежды на содействие Бисмарка рухнули. Немецкий канцлер быстро шел к военному союзу с Австро-Венгрией, заключенному в 1879 г. Россия представлялась ему ненадежным партнером. В 1875 г. Горчаков способствовал неудаче спровоцированной им военной тревоги. Стало ясно – новой попытке разгромить Францию Петербург будет сопротивляться всеми силами. Берлину поспе следовало содействовать осуществлению замыслов Вены на Балканах, что и происходило. Конгресс дал санкцию на оккупацию австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины. Многострадальное население этих провинций, зачинщиков Восточного кризиса, стало жертвой мирного урегулирования. Жители встретили оккупантов с оружием в руках, тем пришлось устанавливать свою власть силой оружия.

Главной жертвой конгресса стала Сан-стефанская Болгария. Ее территория была урезана в три раза, лишь ее северная часть обрела полноценную государственность, хотя и в форме автономии, но с очень широкими правами. Горчакову удалось добиться присоединения к княжеству округов Софийского и Варненского к югу от Балканского хребта. Остальная часть Южной Болгарии под именем Восточная Румелия получила лишь местное самоуправление во главе с губернатором-христианином.

Балканские страны права голоса на конгрессе не получили. Представителей Греции и Румынии выслушали, но к их доводам не прислушались. Бисмарк считал балканские народы непричастными к европейской цивилизации. Албанцам он заявил, что вообще не знает об их существовании. Дизраэли отзывался о "турецких христианах" довольно

презрительно. Но все они, за исключением болгар, прибыли в Берлин с набором претензий, не отличавшихся скромностью. Румынские представители, И.К. Брэтиану и М. Когэлничану, выступили с меморандумом, в котором настаивали на сохранении Южной Бессарабии, присоединении к княжеству Северной Добруджи, дельты Дуная и компенсации ее военных расходов в сумме 100 млн. фр. Глава греческого правительства Т. Делиянис хлопотал о присоединении к королевству острова Крит, Эпира и Фессалии. Притязал и на македонские земли. Насчет Крита он получил отказ, но часть Эпира и Фессалию удалось получить в 1881 г. «Хотя на конгрессе в Берлине голос Греческого королевства звучал шепотом, – писал греческий исследователь Э. Кофос, – западная, и в первую очередь британская, дипломатия использовала "греческую карту" для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления»⁴². Наибольшего успеха в закулисье конгресса добился глава сербской дипломатии Ристич. Он вступил в контакт с австрийцами, Милан Обренович без ведома скупщины заключил с Австро-Венгрией торговое соглашение и фактически подчинил австрийскому контролю внешнюю политику княжества. Но территориальные приращения Сербии выглядели солидно – 11 тыс. км² (вместо обещанных в Сан-Стефано 8 тыс.).

Но конгресс не мог поставить крест на российских победах, не мог он и выкинуть в корзину Сан-стефанский договор. В отношении балканских стран действовал и другой фактор. И Лондон, и Вена рассчитывали укрепить в них свои позиции и потому вынуждены были в определенной степени считаться с их пожеланиями. Черногория увеличила свою территорию вдвое, а не втрое, как то предусматривал Сан-стефанский акт, но зато получала выход к Адриатическому морю с портом Бар. Условия Сан-Стефано, касавшиеся Румынии, были закреплены в Берлинском трактате.

* * *

Решения конгресса застали российскую общественность врасплох. Особенно угнетающее впечатление производила учиненная над Болгарией расправа. Горчаков и его коллеги стали козлами отпущения за крушение несбывшихся надежд, дипломаты променяли лавровый венок победителя на тернистый венец мученика, на них обрушился шквал резких и оскорбительных статей. На общем фоне особо отличился златоуст славянофилов И.С. Аксаков, выступивший перед московскими собратьями с громовой речью: западные дипломаты "срывают с России победный венец" и водружают вместо него "шутовскую с гремушками шапку. Слово немее, мысль останавливается перед этим колотобродством дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия"⁴³. Нечто подобное, но не столь красочно, писал М.Н. Катков в "Московских ведомостях": "Россия находилась на подачу руки от Константинополя, она могла занять все господствующие пункты на Босфоре и Дарданеллах и обеспечить мир от враждебных покушений. Вместо этого по Берлинскому трактату сохранили на память о войне клочки заключенного ранее Сан-стефанского договора"⁴⁴.

Эмоционально воспринимали вести из Берлина и в Англии, но не со скорбью, а с торжеством. "Героев конгресса", Дизраэли и Солсбери, встретили как триумфаторов. Королева удостоила их высокого ордена Подвязки, печать, по словам Каткова, славословила их до уровня, приличиями не допустимого, прения в парламенте прошли под знаком восхваления. Диссонансом в них прозвучала речь лидера либеральной оппозиции у лордов, графа Д. Грэнвилла. Он заметил: "Воистину, я понять не могу, неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как предоставляющий России все то, что она действительно хотела и желала получить"⁴⁵. Грэнвилл возвращал диспутантов с небес

⁴² Balkan Studies, Thessaloniki, 1980, № 21, p. 46.

⁴³ Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878, с. 6, 8, 20.

⁴⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей "Московских ведомостей". СПб., 1894, с. 123.

⁴⁵ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1878, д. 79, л. 431.

⁴⁰ История СССР, т. 4. М., 1967, с. 554.

⁴¹ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998, с. 362.

на землю. Издавна было принято, подводя итоги войны, сравнивать то, что было до войны с тем, что стало после. В 1878 г. традиция была нарушена: стороны сравнивали — Российская со скорбью, английская с ликованием — Берлинский трактат с Сан-стефанским договором, упуская из виду, что последний, будучи отвергнут Сербией, Румынией, Грецией и албанцами, т.е. странами, представлявшими значительную часть, если не большинство населения региона, не имел шансов на длительное существование и не мог обеспечить в нем ни стабильности, ни прочного мира. Если же вернуться к традиционной оценке итогов войны не оставит ни следа, Россия действительно получила все, что хотела и желала. В упомянутых документах цели войны обрисованы реалистично и скромно, о Болгарии там нет и речи, в Будапештской конвенции 1877 г. Петербург зафиксировал свой отказ от создания на Балканах большого государства, никаких заоблачных мечтаний, возникших позднее под опьяняющим влиянием побед и славы. Так что Грэнвилл говорил истину. И еще. Прошло 130 лет, но ни разу не появилось даже проблеска надежды на сооружение конструкции, подобной сан-стефанской.

И в России раздавались трезвые голоса с заземленной оценкой ситуации. В августовской книжке журнала "Вестник Европы" за 1878 г. появилась статья, автор которой доказывал, что Берлинский трактат не следует считать поражением России, достигнуто многое, раздел Болгарии долго не продлится, объединение двух ее частей не за горами, некоторые статьи Сан-стефанского договора даже следовало отменить по причине их полной нереальности⁴⁶. Аргументированно ту же точку зрения выразил публицист и общественный деятель Б.Н. Чичерин, дядя будущего советского наркома по иностранным делам, в записке, найденной в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти. В ней автор отметил всякого рода славянофильские внешнеполитические завихрения: «Ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании и о присоединении к себе Константинополя. Такое решение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести перенесся бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья (здесь помета на документе Александра II: "Совершенно справедливо")». Разрушать Османскую империю, полагал Чичерин, еще рано: появятся "бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивающихся друг с другом освобожденных народов, с чем соединилось бы неизбежное соперничество европейских держав". Чичерин предвидел превращение Балкан в "пороховой погреб Европы". Поэтому, полагал он, не следует спешить, а надо ждать, пока "дряхлое тело Турции" не развалится само по себе". Нашел он слова ободрения и поддержки для ставших без вины виноватыми дипломатов: "Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на бесспорную благодарность всякого русского человека"⁴⁷.

Итак, что было до, и чего достигли после войны. 1876 год вписан в балканские летописи кровью. Ею была залита болгарская земля. Разгромленная Сербия прекратила борьбу, возобновив ее только в конце 1877 г. под российским крылом. Боснийские и герцеговинские повстанцы изнемогали без всякой надежды на успех. Румынские усилия добиться независимости на путях переговоров потерпели крах. Повсеместное восстановление власти Высокой Порты являлось лишь вопросом времени.

Война изменила все. Россия стерла на карте последние остатки Крымской войны и Парижского мира 1856 г. Южная Бессарабия вернулась в состав империи. В Закавказье ее границы расширились за счет присоединения Карса, Ардагана и Батума. Последний пришлось отстаивать в ожесточенной схватке (к счастью, дипломатической) с британцами, "забытыми", что по майской договоренности порт присоединялся к России. Солдаты настаивали на сохранении города за Турцией. Шувалову сломить его упрямство не удалось. Пришлось вмешаться Горчакову, который добился благоприятного решения

⁴⁶ Цит. по: Хевролина В.М. Власть и общество 1878–1914. М., 1999, с. 214.
⁴⁷ Политика. Дипломатия в XVI–XX вв. М., 1964, с. 414, 418, 419.

вопроса в несколько смягченном варианте: Батум получил статус "порто франко", открытого для торговли и не подлежавшего вооружению. Впрочем, через несколько лет самодержавие о наложенных ограничениях забыло⁴⁸. Баязид отстоять не удалось, он остался в составе Турции.

По важнейшему вопросу о международном признании государственной независимости Сербии, Румынии и Черногории конгресс склонился перед волей России. Ни одна из держав до кризиса о подобном признании не помышляла, но ни одна не дерзнула посягнуть на этот результат восстаний и войны. Три народа зажили полнокровной государственной жизнью. От этого судьбоносного события прямая ведет к первой балканской войне 1912 г., в которой объединенные армии Сербии, Болгарии и Черногории разгромили Османскую империю.

Актом конгресса была после небытия, длившегося почти 500 лет, восстановлена государственность болгарского народа, правда, в урезанном по сравнению со сан-стефанскими решениями варианте, без выхода к Эгейскому морю, и в расчлененном виде. Со страной обошлись столь грубо и бесцеремонно, что уже тогда крепло убеждение, что подобное противоестественное состояние испытания временем не выдержит. Милотин выражал уверенность, что "образуемая на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа". Товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс инструктировал дипломатов на местах: конечной целью российской политики является объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством⁴⁹. Тотлебен позаботился о создании материальных предпосылок для слияния двух Болгарий, оставив в княжестве после ухода из него российских войск целый арсенал оружия, конский состав для кавалерии и суда на Дунае. 300 российских офицеров и 2700 нижних чинов влились в болгарскую армию. Даже в Великобритании понимали нелепость расчленения единого народа. Тот же Грэнвилл иронически вопрошал премьер-министра: "Благородный лорд, кажется, думает, что все трудности устранены простым путем, именуя один из народов восточными румелийцами вместо южных болгар?". Газета "Дейли ньюс", своего рода белая ворона в черной шовинистической стае тогдашней публицистики, писала: "Создана искусственная композиция. При этом, как бы хитро она ни была сложена, она не может выдержать потрясений"⁵⁰.

В 1885 г. обе Болгарии объединились, причем обошлось без каких-либо серьезных потрясений. Два других "злых дела" конгресса так быстро себя не исчерпали. Британская дипломатия, воспользовавшись разгромом Турции, создала военно-морскую базу на острове Кипр, под предлогом защиты своего подопечного от мифической угрозы со стороны России. Австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины длилась до конца Габсбургской монархии. Боснийцы со своей участью никогда не примирились. Покушение в июне 1914 г. члена тайного общества Млада Босна Г. Принципа на наследника престола Франца Фердинанда, закончившееся смертью эрцгерцога и его супруги, явилось прологом к Первой мировой войне.

Балканцы остались недовольны берлинским урегулированием. Боснийцы — утратой обещанной им в Сан-Стефано автономии. Болгары — по причинам, объяснений не требующим. Боль по учиненной на конгрессе расправе не утихла в Софии по сей день: "Дизраэли, Андраши и Бисмарк разорвали Сан-стефанскую Болгарию на куски и бросили ее в пасть векового поработителя"⁵¹. В Сербии трактат предавали анафеме, несмотря на полученные территориальные приобретения. Рухнула мечта о княжестве как балканском Пьемонте, объединителе всех национальных земель. Не удалось присоединить даже Боснию, что отвечало и пожеланиям местного населения. Румыния приобре-

⁴⁸ Jelavich B. Great Britain and the Russian Acquisition of Batum. Reprinted from the East European Review, p. 54, 60.

⁴⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. 3. М., 1967, с. 69–70.

⁵⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1878, д. 74, л. 434; Катков М.Н. Указ. соч., с. 300.

⁵¹ Цит. по: Улуян А.А. Государственные и политические деятели Болгарии. М., 2002, с. 4.

ла Северную Добруджу с населением в 112 тыс. человек и портами в Кюстендже (Констанце) и Сулине, но рассталась с Южной Бессарабией. Бухарест продолжал конфликтовать с Петербургом и в 1883 г., явно в реваншистских целях, примкнул к военному блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленному против Франции и России.

Самодержавию, казалось, пришла пора воскликнуть: "Горе победителю!". Но после военные страсти постепенно улеглись, на смену конъюнктурным подсчетам пришла здравая оценка положительных и отрицательных сторон происшедшего, и первые результаты возобладали. Между берлинскими результатами и довоенными расчетами основного российского оппонента, британского кабинета – "дистанция огромного размера". Примирительно настроенный Дерби отвергал создание даже малой Болгарии, считая это предтечей гибели Османской империи. Сменивший его на посту главы Форин оффиса Солсбери в меморандуме от 1 апреля 1878 г. выступал против предоставления Болгарии выхода к Черному морю, возвращения России Южной Бессарабии, присоединения к ней Батума. Все эти установки не удалось осуществить. Россия не просто стерла последние следы крымского поражения, она похоронила британскую доктрину статус-кво, предусматривавшую сохранение в незыблемости власти Османской империи на Балканах. Центр защиты имперских интересов Англии из зоны Стамбула и Черноморских проливов переместился в Египет, к Суэцкому каналу. Форин оффис так увлекся противоборством с самодержавием, что прозевал появление на арене грозного соперника в лице второго германского рейха. В 1882 г. в Турции появилась немецкая военная миссия, через три года на целых 10 лет ее возглавил К. фон дер Гольц, будущий фельдмаршал. И наступила "эпоха фон дер Гольца", таким колоссальным влиянием он пользовался. Немецкий капитал хлынул в страну, прежде всего в железнодорожное строительство. В 1899 г. фирмы рейха получили концессию на строительство великого пути Берлин – Бизантум (Византия, Стамбул) – Багдад⁵². В смысле воздействия на политику султаната Великобритания переместилась на задворки в списке держав. А в Петербурге с тревогой следили за тем, как турецкая армия вооружается винтовками с немецким клеймом и крупновскими пушками.

От военного разгрома 1878 г. Турция оправиться не смогла, и покатила по наклонной плоскости утраты самостоятельности, сменив, правда, покровителя – с Великобритании на Германию.

А укрепившиеся балканские государства наращивали самостоятельность. Убыстрился темп их хозяйственного развития, становления национальных культур, шли поиски государственных форм, путей социального и политического развития. К чести российской дипломатии, она никогда не пыталась навязать балканцам ничего похожего на самодержавие, а, напротив, была причастна к внедрению конституционных начал на Ионических островах, в Сербии, Дунайских княжествах и Болгарии. Но самодержавие продолжало оставаться в глазах образованных балканцев одиозным строем. Образец для подражания они искали на Западе, отсюда – утрата официальной Россией прежнего влияния в регионе по мере обретения его частями самостоятельности. Этот процесс был связан не только с положительными явлениями. По-прежнему проявлялась запальчивость в суждениях и, что еще хуже, в решениях. Каждая сторона толковала запутанную историю края в свою пользу, что создавало почву для бесчисленных столкновений. В 1885 г. вспыхнула война между Сербией и Болгарией, и державам пришлось разнимать драчунов, а Балканы постепенно приобрели мрачную славу порохового погреба Европы. Но это уже не вина России.

Похоже, что и по сей день итоги Берлинского конгресса не оценены по достоинству. Наши средства массовой информации до сих пор пребывают в упоении от творения Игнатьева. Выходящий многотысячным тиражом журнал "Вокруг света" утверждает: "Финал: Сан-стефанский триумф. Берлинский позор"⁵³.

⁵² В пороховом погребе Европы. М., 2003, с. 70–76.

⁵³ Эндшиль. – Вокруг света, 2007, № 4, с. 109.

Совсем иные отзывы раздаются из уст авторитетных историков. По словам академика А.Л. Нарочницкого, "западным державам удалось ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов". К.Б. Виноградов свидетельствовал: Британия и Австро-Венгрия не смогли существенно изменить условия Сан-Стефано, которые касались непосредственно России. Берлинский трактат, в сущности, явился "гигантским компромиссом". Историк Б. Елавич давала, в сущности, сходную оценку деяниям конгресса: "Если сравнивать его результаты с сумасбродными устремлениями панславистов, то они, конечно, не являются дипломатической победой, но сомнительно, чтобы при сложившихся обстоятельствах можно было достичь большего"⁵⁴. В суждениях нет противопоставления одного акта другому. Сан-стефанский договор – звено в цепи процесса мирного урегулирования, позволившее в ряде вопросов поставить конгресс перед наличием договоренности.

Нельзя назвать позорным Берлинский договор, перечеркнувший последние тяжелые для России условия Парижского мира 1856 г., вернувший ей Южную Бессарабию, позволивший ей присоединить некоторые территории в Закавказье, признавший государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановивший, после почти 500-летнего перерыва, государственность болгарского народа, нанесший Османской империи удар, от которого она не оправилась, похоронивший доктрину статус-кво, с помощью которой она держалась на ногах под сенью своих покровителей во главе с Великобританией, перекроивший всю систему защиты британских интересов, перенесший ее центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу. Наступила новая эпоха в истории полуострова, когда первую скрипку в его делах стали играть сами балканские народы.

⁵⁴ Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 83; Виноградов К.Б. Мировая политика 60–80-ых годов XIX в. Л., 1991, с. 132; Jelavich B.A. Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia and New York, 1964, p. 185.